

УДК 341.43«1939–1941»(438)(476)

Влияние внешнеполитических шагов СССР в Европе в сентябре 1939 – июне 1941 гг. на социально-экономическую ситуацию в стране (на примере Гомельщины)

Д.М. Толочко

Рассматривается роль влияния внешнеполитических шагов СССР в Европе в сентябре 1939 – июне 1941 гг. на социально-экономическую ситуацию в стране. Автор приходит к выводу, что вступление СССР во Вторую мировую войну осенью 1939 г. вызвало в стране определенные социально-экономические трудности. Они носили закономерный характер и были вызваны в первую очередь частичным переводом экономики страны на военное производство, увеличением численности Красной Армии.

Ключевые слова: внешняя политика, война, мобилизация, продовольствие, Красная Армия.

The role of the influence of the USSR foreign policy steps in Europe in September 1939 – June 1941 on the socio-economic situation in the country is discussed. The author comes to the conclusion that the entry of the USSR into the Second World War in the autumn of 1939 caused certain socio-economic difficulties in the country. They were of natural nature, and were caused primarily by the partial transfer of the country's economy to military production, an increase in the number of the Red Army.

Keywords: foreign policy, war, mobilization, food, Red Army.

Вступление войск Красной Армии в Западную Украину и Беларусь, Прибалтику и, особенно советско-финская война – значительно обострили социально-экономическую ситуацию в СССР. В этой связи весьма любопытным, на наш взгляд, является иллюстрация указанного явления на примере Гомельского региона.

В начале сентября в СССР начинается активная подготовка к операции в Польшу. 3 сентября нарком обороны К. Ворошилов приказал Военным Советам семи округов – Киевского особого, Белорусского особого, Харьковского, Орловского, Калининского, Ленинградского, Ленинградского и Московского – провести ряд мер по улучшению боевой готовности войск, а также задержать на один месяц увольнение в запас красноармейцев старшего года службы, вызвать из отпусков командиров, политработников, начальников войсковых частей и учреждений, привести войсковые части в положение боевой готовности, для чего проверить вооружение, обмундирование, технику и т. д.

6 сентября около 23–24 часов в семи военных округах (в том числе БОВО) была получена директива № 14650 наркома обороны СССР К. Ворошилова, в которой предписывалось со следующего дня всем войсковым частям и учреждениям начать частичную мобилизацию резервистов [1, с. 283–284].

Проведение мобилизации в стране не могло оставить равнодушным жителей БССР. Непосредственно после начала данной акции значительная часть населения БССР, опасаясь втягивания страны в войну, и, как следствие, наступления голода, бросилась скупать хлеб, соль, сахар и другие продукты и промтовары, которые практически сразу исчезли с прилавков магазинов. Например, если обычная продажа муки и соли в г. Минске колебалась в пределах 8–9 тонн в день, то только 8 сентября было продано 26 тонн муки и 27 тонн соли, 12 сентября муки уже было продано 38 тонн. Неудивительно, что в течение нескольких дней, с 8 по 12 сентября 1939 г. запасы продовольствия в г. Минске и других городах БССР практически были исчерпаны [2, л. 78–79]. Аналогичная ситуация наблюдалась и на Гомельщине. Например, в магазин № 3 г. Мозыря 9 сентября 1939 г. было завезено 300 кг. соли, которая была продана за 1 час, впоследствии в этом магазине в продаже соль отсутствовала [3, л. 49].

В сводке первому секретарю ЦК КП(б)Б П.Пономаренко «О состоянии торговли и некоторых фактах создания запасов продуктов питания населением БССР» от начальника

управления рабоче-крестьянской милиции НКВД БССР Гордеева указывалось следующее: «В связи со сложившейся международной обстановкой, начиная с 8 сентября, по БССР наблюдались большие очереди у продовольственных магазинов за покупкой сахара, муки, крупы, соли, керосина и других продуктов. Спрос на продукты был увеличен на столько, что все продукты, выбрасываемые товары моментально, в течение нескольких часов раскупались... Отмечено снижение снабжения магазинов мукой... снабжение хлебом резко снизилось... Сахар, папиросы в магазины поступали с большими перебоями, а махорка вовсе не поступает...» [2, л. 79–88]. «За последнее время, особенно с первых чисел сентября, повысился спрос на все виды продуктов питания по всем районам Полесской области... В Наровлянском и Хойникском районе крупа совершенно отсутствует... Сахар, папиросы, махорка отсутствуют на базах и в продаже по всей области. Отсутствует также хозяйственное мыло. Увеличился спрос на кондитерские изделия. Кондитерских изделий по городу Мозырю осталось незначительное количество, и то в узком ассортименте. За керосином за последнее время появились большие очереди», – указывалось в спецсообщении первому секретарю Полесского обкома Маркину от областного управления НКВД [4, л. 34]. Аналогичная ситуация наблюдалась и в сельской местности [4, л. 60].

Для устранения массовой закупки населением товаров Экономический совет при Совнаркоме СССР постановлением от 9 сентября 1939 г. установил ограничения отпуска в одни руки следующих товаров: махорки не более двух пачек, спичек не более 5 коробок, керосина 2 литра, мыло туалетное – 1 кусок, кондитерские товары – 1 кг, соль – 1 кг, чулки-носки – 2 пары, белье мужское и женское – 1 пара, верхний и нижний трикотаж – 1 пара [5, л. 189].

Одновременно органы НКВД БССР усилили борьбу с теми, кто закупал продукты и промтовары «про запас». Так, начиная с 15 сентября 1939 г., в документах партийных и советских органов начинают появляться материалы такого рода. Например, в донесении прокурору Гомельской области от прокурора Речицкого района читаем следующее: «Сегодня в Прокуратуру поступило сообщение, что гражданка А.А. Твардовская систематически закупает продукты и создает запасы. Проведенным обыском на квартире у Твардовской было найдено: 230 метров разной мануфактуры, 87 катушек ниток, 28 фунтов сахару и другие вещи... Твардовская арестована» [6, л. 43].

Перебои в снабжении городов и деревень БССР продуктами питания и промтоварами вызвали панические настроения. Приведем в этой связи характерные высказывания жителей региона, которые отмечали органы НКВД. Продавщица одного из магазинов г. Мозыря: «Всех берут на войну, все пропадем и мы умрем с голода, ведь в магазинах нет никаких продуктов и все люди будут пропадать с голода». Жена прораба г. Пхова распространяла слухи, что в Мозыре со всех магазинов и баз забрали все сорта муки и больше ее не будет. Единоличник Мозырского района среди односельчан заявлял: «Должна быть всемирная война, так что уже к этому подходит, вот хлеб в кооперации уменьшился и другие продукты» [4, л. 31].

После окончания операции Красной Армии в Польше социально-экономическая ситуация еще больше обострилась. Зима 1939–1940 гг. была апогеем кризиса. Если перебои в снабжении продуктами питания и промышленными товарами в начале сентября 1939 г. можно объяснить субъективным фактором: население, боясь приближающейся войны, лихорадочно скупало продовольствие, то ситуация в течение последующего времени, вплоть до июня 1941 г., являлась следствием резкого уменьшения количества товаров (как промышленных, так и продовольственных), отпущенных для реализации населению. Это было связано с необходимостью кормить возросшую армию. Несмотря на то, что осенью 1939 г. карточная система официально не вводилась, фактически страна перешла на нормированное снабжение.

В этой связи в спецсводках НКВД, датированных 22 декабря 1939 г., читаем следующее: «Фонды хлеба, предназначенные для реализации в декабре месяце уменьшены, против фондов, отпущенных в ноябре 1939... Наличие больших очередей приводит к тому, что в магазинах выбивают стекла, ломают прилавки и двери...». На протяжении декабря 1939 – января 1940 гг. руководство обкомов и райкомов БССР направляет в высшие партийные инстанции десятки докладных, содержание которых практически идентично: просьба увеличить отпуск регионам товары первой необходимости [7, л. 141].

Особенно тяжело приходилось населению сельских регионов. Из-за нехватки ресурсов 1 декабря 1939 г. правительство запрещает свободную продажу муки и печеного хлеба в сельской местности. Многие крестьянские семьи, спасаясь от голода, стремятся переселиться в город, правдами и неправдами преодолевая всевозможные препятствия, чинимые властями [8, л. 2].

Реакция населения региона на исчезновение из торговли промышленных и продовольственных товаров была неоднозначна. Первоначально сквозит недоумение: «Большой войны не ведем, куда же подевалось продовольствие?». В качестве примера хотелось бы привести выдержки из письма, посланного гомельским школьником Морозовым на имя заместителя председателя СНК А.И. Микояна.

Б.И. Морозов – А.И. Микояну.

Дорогой Анастас Иванович!

Вот уже несколько раз перечитывал я Вашу речь на XVIII съезде ВКП(б)... Иногда я прямо таки восхищался. Уж так, ну как Вам сказать, бьете Вы в самую точку. Ну разве не воскликнул я «правильно», когда читал об «универмагах, крупнейших, чем в Америке», которые в данный момент действительно не подходят. Разве не вырвалось из моих уст – «Ах, вот как!», когда я узнал, что недостаток товаров текстильной промышленности является результатом отставания некоторых ее областей. Кто посмеет отрицать факт о «холостых выстрелах», который Вы так правильно подметили, который я сам наблюдал в своей школьной жизни, но он не доходил до моего сознания. (В своей речи на съезде Микоян сказал о необходимости «иметь больше мелких и средних магазинов», а не увлекаться созданием крупных универмагов. Говоря о подборе кадров и проверке исполнения, он сравнил хорошее решение, необеспеченное выполнением, с холостым выстрелом – Д.Т.)

Ваша речь послужила кладом для моих знаний. Если бы было время, я рассказал бы Вам о моей жизни, о том, как бросил меня отец, о том, как я учился, как начал читать книги и как роднили они меня с миром... Написал бы Вам о том, как много и часто приходилось мне рассказывать неграмотным соседям о международном положении нашей страны, о войне в Абиссинии, Испании, Китае и Хасане, о конфликте в районе озера Буир-Нур в МНР, об англо-франко-советских переговорах, договоре о ненападении с Германией, о пактах взаимопомощи с Прибалтийскими странами, о II мировой войне и вообще об империалистических войнах, о надеях (так в тексте – Д.Т) в Финляндии и о пр.

Что заставило меня написать письмо? На этот вопрос я отвечу так – безобразие, которое творится в нашей стране. Ответ не очень-то приятный, но я считаю его правильным. Дело в том. Когда не было крупы, я говорил маме, «крупка будет», когда не стало сахара я сказал маме – «сахар будет. Не должно быть, чтобы в нашей стране не было сахара!» Дальше. Придя один раз из очереди за мануфактурой, мама начала обижаться, что нет мануфактуры, рассказывая как много было ее раньше. Я сказал, что мануфактуры нет, потому что наша страна переживает разруху, нанесенную ей империалистической и гражданской войнами. К тому же, и царская Россия была не очень-то развитой. В ответ на это она сказала: «Не развитая, да зато мануфактуры было сколько хочешь, а очереди даже не знали!». Я сослался на возросшую потребность, на широкого потребителя. Но сам подумал: «А и вправду в царской России индустрии совсем не было, сейчас мы ее построили. Текстильная ж промышленность была, а все-таки она не удовлетворяет нашего потребителя. Виной этому я считал малое внимание ЦК ВКП(б) и СНК. Почему бы, например, не поставить текстильную промышленность наряду с черной металлургией и не заботиться о ее росте. Но это я уже здорово отвлекся.

Да, в конце разговора я сказал матери, что не дождемся мы в конце 2-й пятилетки, как будет у нас мануфактура сколько хочешь. Но вот прошла 2-ая пятилетка, началась третья, а мои предсказания не оправдались – мануфактуры не было и нет. Привезут ее иногда – народ давится. Почему ж нет рыбы, дык (так) я сам не придумаю. Моря у нас есть и остались те же, какие были прежде, но тогда ее было сколько хочешь и какой хочешь, а сейчас я даже представление потерял, какая она на вид. Наконец, где же дедался хлеб? Кажется и собрали мы 6 млрд. пудов зерна. Посчитаешь по 35 с лишним на каждого человека. Войны затяжной не было, а хлеба уже 2 месяца нет. Или это безобразие творится только по Гомельской области,

или по всей стране. А мы еще хотим построить коммунистическое общество, главным принципом которого будет «от каждого по его способностям, каждому по его потребностям». Дальше, в газетах пишут, что во Франции, Англии, Германии буржуазия уводит карточную систему, которой недоволен пролетариат. А у нас в стране, где победил пролетариат, в стране, на полях которой проливали кровь наши отцы и матери, сейчас вводится настоящая карточная система – железнодорожники и станционные рабочие (грузчики и другие) выпивают (хлеб) из Гомеля, получают его по карточкам, посылая ко всем чертям посторонних, педагоги получают хлеб из своего буфета и пр. (Постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 17 декабря 1939 г. «О торговле и общественном питании в системе «Союзтранторгпит» была введена закрытая торговля для рабочих и служащих железнодорожного транспорта – Д.Т.). И кто им только давал право позорить страну! Мы еще хотим победить в грядущих боях, когда столкнутся две системы – социалистическая и коммунистическая. Нет, при таких порядках и при таких недостатках никогда нам не победить, никогда нам не построить коммунизм!

Прошу Вас, дорогой Анастас Иванович, ответьте мне на все вопросы: почему нет макулатуры, крупы, рыбы, обуви, сахара, конфет, спичек, почему не стало хлеба? С нетерпением жду ответа. Морозов. Мой адрес – БССР Гомельская область, ст. Буда-Кошелевская, Сталинская школа № 1, уч. 9-го класса «А» Морозову Борису Ивановичу [9, с. 5–6, 21–22].

Начальник отдела торговли продтоварами СССР Мосин отослал копию этого письма назад в Гомель с сопроводительной запиской следующего содержания: «В письме Морозова явно сквозит не советское отношение по отдельным моментам («японцам сдаем моря, что-бы...», его фраза о карточной системе, о построении коммунизма «при таких порядках» и т. д.). По этому письму можно предполагать, что ученик Морозов находится под влиянием враждебных настроений к Советской власти, среде. Прошу Вас поручить специальному работнику личной беседой с учеником Морозовым разрешить интересующие его вопросы и выяснить обстановку, вызвавшую враждебно настроенное письмо на имя т. Микояна. О результатах сообщите в Наркромторг СССР». Последствия не трудно представить. Этим письмом школьник «подставил под удар» своих родственников и, видимо, учителей [9, с. 22].

В Российском государственном архиве экономики подобных писем, датированных ноябрем 1939 – мартом 1940 гг., десятки, со всех регионов СССР. В них указывается на бедственное положение населения в связи с невозможностью купить самые необходимые продукты питания, одежду и т. д. Однако, хотя их авторы критикуют и даже порой ругают существовавшие порядки, тем не менее, они обращаются к власти как к «своей народной», которая бездействует либо по незнанию, либо от недооценки сложившейся ситуации.

В начале января 1940 г. и вплоть до 1941 г. ситуация коренным образом изменилась. Органы НКВД фиксируют теперь уже рост антисоветских настроений среди отдельных категорий населения региона, прежде всего жителей сельской местности. Можно привести некоторые примеры. Так, в докладной секретарю Полесского обкома Маркину, датированной 9 января 1940 г., «Об итогах выборов в местные Советы депутатов трудящихся по районам Полесской области» органы НКВД сообщали: по области отказались от голосования 246 человека, «которые являются антисоветски настроенными против партии и Советской власти». Рабочая завода «Звезда» Петриковского района, в частности, заявила агитатору: «За что же голосовать, если в Советском Союзе люди голодные и голые, ничего нигде нет» [10, л. 5]. Колхозница колхоза дер. Дубровица сказала: «Эту бездну никогда не заполнишь, несмотря на то, что люди возят зерно десятками и сотнями тонн. Все равно в нашей стране остаются без куска хлеба. Советская власть хотя и пишет в газетах, что в Германии продают хлеб по карточкам, но там люди гораздо лучше живут, чем при советской власти, и не сидят голодными как в России» [11, л. 190].

Таким образом, можно сделать следующий вывод. Вступление СССР во Вторую мировую войну осенью 1939 г. вызвало в стране определенные социально-экономические трудности. Они носили закономерный характер и были вызваны в первую очередь частичным переводом экономики страны на военное производство, увеличением численности Красной Армии и др.

Литература

1. Мельтюхов, М.И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. / М.И. Мельтюхов. – М. : Вече, 2001. – 464 с.
2. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 4. – Оп. 21. – Д. 1713. Оперативные сводки НКВД БССР (сентябрь–декабрь 1939 г.).
3. Государственный архив общественных объединений Гомельской области (ГАООГО). – Фонд 702. – Оп. 1. – Д. 79. Оперативные сводки НКВД (сентябрь–декабрь 1939 г.).
4. ГАООГО. – Фонд 702. – Оп. 1. – Д. 64. Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б), постановления и выписки из постановлений Экономсовета при СНК СССР (январь 1939 – декабрь 1939 г.).
5. НАРБ. – Фонд 4. – Оп. 21. – Д. 1486. Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б), постановления и выписки из постановлений Экономсовета при СНК СССР (январь 1939 – декабрь 1939 г.).
6. ГАООГО. – Фонд 451. – Оп. 3а. – Д. 72. Постановления и материалы к ним Речицкого райкома КП(б)Б (сентябрь–декабрь 1939 г.).
7. НАРБ. – Фонд 4. – Оп. 21. – Д. 1937. Постановления Экономического совета СССР (1939 г.).
8. Выцлан, М. Разрешите нам покончить свою жизнь / М. Выцлан // Наука и жизнь. – 1996. – № 6. – С. 2–7.
9. Кризис снабжения 1939–1941 гг. в письмах советских людей (вступительная статья Е.А. Осокиной) // Вопросы истории. – 1996. – № 1. – С. 3–23.
10. ГАООГО. – Фонд 702. – Оп. 1. – Д. 126. Спецсообщения и докладные записки обкому КП(б)Б от областного управления НКВД УРКМ БССР и облпрокуратуры (январь 1940 г. – апрель 1940 г.).
11. ГАООГО. – Фонд 702. – Оп. 1. – Д. 128. Спецсообщения и докладные записки обкому КП(б)Б от областного управления НКВД УРКМ БССР и облпрокуратуры (октябрь 1940 г. – январь 1940 г.).

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 17.03.2019